

К. З. АКОПЯН,

доктор философских наук, доцент кафедры философии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

НРАВСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ В КУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ РОССИИ

Представление о своеобразии русского национального характера, проявляющемся, в частности, в том, что *мы ни в чем не знаем меры да середины, все по краям да пропастям блуждаем* (Ю. Крижанич), в потребности русского человека *хватить через край, заглянуть в самую бездну — и броситься в нее, как ошалелому, вниз головой* (Ф. Достоевский), в *непомерности Руси и в своеволии, и в самодержавьи* (М. Волошин) и так далее, уже достаточно укоренилось. Однако довольно редко обращают внимание на то, что подобные примеры непосредственно выводят нас на проблему нравственного выбора, а точнее — нравственного основания совершаемого действия.

Естественно, что на возникающий в связи с этим вопрос о сущностных основаниях нравственности не может быть дан однозначный ответ. Однако может быть предпринята попытка выявить те факторы, которые играют или способны играть роль такого рода оснований, что, в свою очередь, может иметь своими результатами как чисто научные выводы, так и конкретные практические решения.

Учитывая то специфическое положение, которое занимает Россия и в географическом, и в историческом, и в культурном отношениях, представляется оправданным рассмотреть поставленную проблему при помощи сопоставления различных культурных парадигм, среди которых нас интересуют прежде всего те, которые сыграли существенную роль в возникновении и развитии русской культуры и отличительной чертой которых является их религиозная сущность, а также, условно говоря, восточная и западная парадигмы как сформировавшиеся в регионах, непосредственно прилегающих к Руси-России.

Подчеркнем, что для проведения подобного рода исследования необходимо прибегнуть к известной схематизации, упрощению и “выпрямлению” рассматриваемых процессов. Кроме того, нужно иметь в виду, что, делая акцент на зависимости нравственного компонента культурной парадигмы от тех или иных факторов, мы в то же время предполагаем существование диалектической взаимообусловленности между последними и соответствующей им парадигмой.

Ортодоксальный иудаизм требовал верности Закону (Тора) и беспрекословной преданности Тому, Кто дал этот Закон людям. В результате на обыденном уровне это привело к признанию необходимости постоянного согласования своих действий каждым правоверным иудеем с Законом

в его подробном толковании (Талмуд), данном специально занимавшимися этим вопросом людьми, а уже выполнение этого требования становилось основанием для нравственной оценки индивида. Нравственность находит свою опору в неземном законе и тысячелетней традиции, которые разрабатываются и поддерживаются человеком.

Христианство с самого своего возникновения обнаруживало содержащийся в нем побудительный мотив к отказу от иудейских традиций, для чего, в частности, оказались необходимы — пусть даже метафорически воспринимаемые — меч, принесенный Спасителем, и отказ новообращенного от отца и матери своих. Несмотря на подчеркнуто уважительное отношение к Закону, христианская нравственность требует разрыва с иудейскими ритуалом и традицией, а место закона здесь занимает благодать, которая, конечно, не должна быть “беззаконна”, но и не может быть подчинена закону. Нравственность находит свою опору в неземной благодати и при этом допускает, скорее предполагает, разрыв с традицией.

Восточная (прежде всего имеются в виду Китай и Япония) парадигма нравственности опирается на ритуал, на вековые традиции, на строгое соблюдение тех многочисленных церемоний, которые были выработаны в условиях повседневного быта и на основе которых были оформлены и сформулированы нормы в учениях Лао-цзы и Кун-цзы, затем уже приобретшие статус норм религиозных. Нравственность опирается на ритуал и традицию, со временем и при непосредственном участии человека обретающие статус закона — как религиозного, так и мирского.

Западный тип нравственности находит свое основание в светском законе, чему существенным образом способствуют имеющие давнюю историю рационалистские по своему характеру представления о зависимости добродетели от знания (Сократ, Платон). Нравственность опирается на земной, формулируемый людьми закон, соблюдение и сохранение которого формирует традицию.

Русь-Россия, обладая многовековым языческим “потенциалом”, воспринявшая религию от Византии и сформировавшая на этой основе свою культуру, на протяжении веков теснейшим образом и в самых разнообразных формах контактирования как с “востоком”, так и “западом”, испытывая, естественно, при этом их духовное воздействие, оказалась в крайне противоречивой ситуации, делая для себя выбор (безусловно, выбор не продуманный и не осознанный, а сугубо спонтанный, можно сказать, иррациональный по своему характеру) оснований, на которых должна была строиться нравственность населявшего ее народа.

Восприняв христианство, Русь тем самым принципиально отказывается от иудаизма и, признавая благодать, фактически не приемлет закона, даже в его религиозной форме: ведь закон — это лишь *подобие, предтеча и слуга благодати и истины, закон — свеча, а благодать — солнце* (Иларион). Признание роли религиозного понимания закона становится существенным основанием для отрицательного отношения к законам земным, изобретенным грешными людьми и вообще ненужным в условиях централизованной власти, когда заботливый правитель выполняет роль отца родного, который должен действовать не по закону, а по благодати. Сама нравственность понимается как божественный дар и поэтому сближается не с рациональным знанием, а с благодатью, для которой, естественно, не может существовать земной меры.

Славянское язычество, которое было вынуждено уступить христианству, не ушло бесследно, оставив в наследство русской культуре множество свидетельств своей жизнестойкости и став причиной возникновения такого специфического явления, как двоеверие. Однако христианство требовало, чтоб языческие традиции воспринимались верующими как нечто нечистое, постыдное и увлекающее в болото суеверий, колдовства и заговоров, что требовало разрыва с народными, дохристианскими культурными традициями.

Таким образом, Русь-Россия, фактически отказавшись от закона, хотя и понимаемого как Богом данный феномен, с большим подозрением относясь к закону земному, а по существу, и не признавая за ним моральной силы (во всяком случае не признавая возможной его связи с нравственностью и тем более его определяющей роли по отношению к последней), пойдя на разрыв с собственными родовыми традициями и решившись на следование традициям, пришедшим из мира принципиально иной культуры, в качестве основания морали остановила свой выбор на

благодати, на идее о полной подчиненности жизни дольной жизни горней, о том, что все земное преходяще и недостойно специального внимания по сравнению с Вечным и Абсолютным, постижение которого возможно не при помощи знания, а лишь в результате целостного духовного восприятия, благодаря тому иррациональному духу, общность которого с Духом вечным и абсолютным не требует доказательств.

В результате в поисках нравственных оснований русская духовность отвергает возможность обнаружения земной точки опоры, обращаясь исключительно к сфере трансцендентного, и идет по своему пути, подвергая при этом существенным преобразованиям заимствуемое из чужой культуры; отсутствие же земной опоры лишает ее "практической, прагматической" устойчивости и придает ее проявлениям характер резких и предельно широких по своей амплитуде колебаний.

Как представляется, сделанный вывод в определенной степени позволяет в каждом исключительном событии русской истории (а русская история, как известно, изобилует именно исключительными событиями) увидеть некую фундаментальную обусловленность и закономерность, что, вероятно, не давая ключа к объяснению какого-нибудь отдельного исторического факта, позволяет понять, уловить, прочувствовать его, можно сказать, метафизический, а возможно, даже мистический смысл и на этой основе прийти к выводу о насущной необходимости обретения земной точки опоры (ритуал, традиция, закон) для достижения равновесного состояния и с целью избежания экстремальных ситуаций, выход из которых всегда чреват жертвами и потерями.